

— Мне нужно собраться.

После того как план с притворной смертью был утвержден, Мяньцин ушел к себе. Оставшиеся повернулись к Юй Цюся.

— Итак, — озвучила общий вопрос Яо Ван. — Если мы действительно его поймаем, что нам с ним делать?

Чу Шэньнань презрительно фыркнул:

— Да неужели мы способны его поймать?

Юань Гуаньцзюнь проигнорировала его выпад и обратилась к Юй Цюся:

— А у тебя какие соображения?

— А у вас? — парировал Юй Цюся. — Мое мнение — лишь личное мнение, и отвечать за него мне самому. Но сейчас мне хотелось бы выслушать вас, чтобы сравнить наши догадки.

Юань Гуаньцзюнь переглянулась со Старым Цзином и, получив его молчаливый кивок, поделилась своими выводами:

— Мы здесь примерили на себя роль «полярной экспедиции». Нас просто несет по течению, и зацепок почти нет.

В оригинальном романе Франкенштейн угасает на борту корабля, перед смертью заклиная экипаж отыскать и уничтожить созданное им чудовище.

— Однако предсмертной волей создателя было не просто убийство, — продолжила анализировать Юань Гуаньцзюнь. — В глубине души он раскаялся. Под конец Франкенштейна мучила вина перед своим детищем, и он жаждал исправить содеянное, но отнюдь не слепой расправой.

Чу Шэньнань скривился:

— И что теперь? Нам его задушевыми беседами лечить?

— Согласна, звучит сомнительно, — кивнула Юань Гуаньцзюнь. — В книге финал открыт: матросы чудовище так и не настигли. Оно само обрекло себя на изгнание и затерялось где-то во льдах. На мой взгляд, даже найди они его, никакого взаимопонимания не случилось бы — их ничто не связывало. Если в этом мире и была хоть какая-то возможность примирить монстра с

человечеством, сделать это мог только Франкенштейн. Его творец.

— Может, выманить его на гроб, а потом пусть Ху... то есть Мяньцин поговорит с ним по душам?
— предложила Яо Ван.

Юань Гуаньцзюнь усмехнулась:

— Весьма постмодернистский подход.

Старый Цзин повернулся к Юй Цюся:

— Так каков твой план?

— Мои мысли сходятся с вашими, — отозвался Юй Цюся. — Но я допускаю и другой вариант: что, если главным героем здесь выступает сам монстр?

— Вполне вероятно, — согласилась Юань Гуаньцзюнь. — Но чего он тогда хочет?

Чжань Чэнсяо предположил:

— Обрести невесту?

Юй Цюся качнул головой:

— Захоти он этого, в здешних стенах он давно нашел бы себе кого угодно. Очевидно, что создатель для него значит несравнимо больше, нежели потенциальная подруга.

— Значит, его стремления напрямую связаны с Франкенштейном, — подытожил Старый Цзин.

Обсуждение затянулось, но Юй Цюся больше не проронил ни слова.

Фан Сынун, не сводивший с него глаз, заметил, что тот совсем не слушает остальных. Взгляд Юй Цюся сделался отрешенным, устремленным куда-то сквозь пространство. В груди Сынуна шевельнулось нехорошее предчувствие.

Вскоре безучастность Юй Цюся бросилась в глаза и остальным. Чу Шэньнань, закипая, бросил:

— Слышь, Юй Цюся, если тебе плевать, зачем заставил нас распинаться? Мы в курсе, какой ты гений, но за идиотов-то нас держать не надо!

— Полегче, Чу Шэньнань, — осадил его Юань Гуаньцзюнь и мягко обратилась к Юй Цюся: — Юй Цюся, у тебя уже созрело решение?

Юй Цюся медленно перевел на нее взгляд — туманный, пустой, и лишь мгновение спустя его глаза вновь обрели прежнюю ясность. Губы его тронула улыбка. Улыбка эта оказалась пугающе острой, ослепительной, точно взмах хирургического скальпеля. Присутствующие невольно подобрались, ощутив смутную угрозу.

— У меня и впрямь есть одна безумная мысль, — негромко произнес он. — Я вот подумал... Будь я на месте этого чудовища, чего бы я желал больше всего на свете?

Смотря на его профиль, Фан Сынун почувствовал, как по спине пробежал ледяной озноб, сковавший тело до самых кончиков пальцев. Его охватил иррациональный, липкий страх: будто Юй Цюся перед ним — лишь зыбкий призрак, готовый вот-вот раствориться в воздухе.

Повинуясь порыву, Сынун ухватил его за запястье. Ощувив под пальцами твердую, теплую плоть, он едва сдержал рвущиеся наружу слезы.

Но Юй Цюся даже не обратил внимания на этот жест. Его взор вновь затуманился, уплывая куда-то вдаль.

— Я бы хотел... — едва слышно прошептал он, — умереть до того, как все началось.

У входной двери гроыхнул замок. Кто-то возился с ключами — должно быть, вернулся Пу Тяньбай, которому Юй Цюся перед уходом отдал украденную накануне связку. Следом за ним в дом зашли двое работников похоронного бюро, тяжело тащивших глухой черный гроб.

Пу Тяньбай заглянул в столовую и отчитался:

— Взял самый дешевый гроб, три пачки ритуальной бумаги и пару венков.

— Хорошо, — Юй Цюся поднялся с места и обвел всех взглядом. — Пойду позову Мяньцина. Готовьтесь.

— К чему готовиться-то? — буркнул Чу Шэньнань.

— Будем лечить его разговорами.

Юй Цюся толкнул дверь в комнату Мяньцина. Фан Сынун тенью последовал за ним.

Их глазам предстало жуткое зрелище, смутно напоминавшее вчерашний кошмар: постель

снова была залита кровью, только теперь огромное багровое пятно расплывалось прямо посередине. Прежнюю простыню явно сменили. Это было чистое белье — и свежая, еще теплая кровь.

Они перешагнули порог, раздвинув полупрозрачный тюль, и подошли к кровати. Мянэцин лежал навзничь. Из его груди торчали портновские ножницы. Кровь почти перестала сочиться — должно быть, вытекла до последней капли. Мянэцин, бледный как полотно, казалось, сливался с серыми простынями и своей блеклой одеждой.

Юй Цюся постоял у изголовья, затем склонился над ним:

— Мянэцин. Из похоронного бюро пришли.

Фан Сынун с содроганием понял, что тот еще жив.

— Зачем ты это сделал? — не удержался он от вопроса.

Взгляд Мянэцина уже подернулся дымкой, жизнь едва теплилась в нем. На грани последнего вдоха он прошелестел:

— Он чует мой запах... Слышит, как бьется мое сердце.

— He is a devil, — добавил он по-английски.

На фоне убогого провинциального антуража чужая речь резанула слух, но Сынун уловил важную деталь: Мянэцин упрямо использовал местоимение «он», а не «оно». Значит, в глубине души он все еще видел в монстре человека.

Через мгновение Мянэцин затих, так и не закрыв глаза.

— Ну что, готов?

Они сидели в старой развалюхе, которую кое-как подлатал Старый Цзин. Юй Цюся устроился за рулем, Фан Сынун — рядом. Оба ждали появления монстра.

Длинная, разбитая дорога вела прямоком к возвышающейся на холме хрущевке. Ворота дома были распахнуты настежь. По дороге медленно двигалась траурная процессия: мужчины несли гроб, женщины и раненые шли следом, держа венки и горстями швыряя под ноги желтую ритуальную бумагу.

Внезапное самоубийство Мянэцина спутало все карты. Изначально они рассчитывали, что

создатель сам поговорит со своим творением. Никто особо не верил, что тварь удастся скрутить силой, надежда была на искреннее примирение сторон. Но теперь связующего звена не стало. Если чудовище явится, утихомиривать его придется толпе незнакомцев. Затея казалась форменным самоубийством, и боевой дух отряда окончательно угас.

Дряхлый автомобиль, в котором сидели Юй Цюся и Фан Сынун, поначалу планировался как запасной вариант, но сейчас превратился в единственную реальную надежду. Если мирные переговоры провалятся, они пойдут на таран.

Идея уничтожить монстра таким способом принадлежала Юй Цюся, и в ней была своя мрачная логика. Единственным светлым пятном в беспросветной жизни чудовища было время, проведенное с семейством Деласи. Позже оно само же его и уничтожило, обрекая себя на вечные муки совести. Вернуть прошлое вспять и умереть до того, как совершилось непоправимое, невозможно. А значит, погибнуть так же, как погибли те люди — похоронить себя под обломками собственного рухнувшего мира, — было для него лучшим выходом из тупика.

Его творец мертв, нити, связывавшие монстра с человечеством, окончательно оборвались. Впереди — лишь бесконечное одиночество. Познав в доме Деласи сострадание и любовь, он обрек себя на сопутствующее человеческой природе страдание. Пожар, унесший жизни той семьи, должен был забрать и его. Смерть в очищающем пламени стала бы куда более милосердным финалом.

Когда Юй Цюся рассуждал об этом, Сынуна пробирала дрожь. Ему казалось, что спутник говорит вовсе не о книжном чудовище. Тяга Юй Цюся к саморазрушению давно не была секретом, и любые разговоры о смерти ранили Сынуна до глубины души, отзываясь тупой, непреходящей болью.

В салоне повисло тяжелое молчание.

Фан Сынун не находил себе места. Он тщетно пытался унять бешеный стук сердца и глухое беспокойство, стискивающее грудь. Все тело ломило от напряжения. Не выдержав, он повернулся к Юй Цюся:

— Дай сигарету.

— Кончились, — непринужденно отозвался тот. На его губах играла легкая полуулыбка, он с любопытством наблюдал за спутником.

Сынун раздосадованно потер затекшую шею, подался вперед и до предела напрягся, вцепившись пальцами в колени. Если присмотреться, его руки мелко дрожали.

— Пристегнись, — скомандовал Юй Цюся.

Сынун дергано, суетливо потянул за ремень безопасности.

— Ты ходил к врачу? — вдруг спросил Юй Цюся.

— Зачем?

— К психотерапевту.

Сынун хмуро зыркнул на него:

— Со мной все в порядке.

— Нет, — отрезал Юй Цюся. — Ты не в порядке. Совсем.

Сынун принялся ковырять заусенцы на пальцах, пока у ногтя не выступила капля крови.

— Вернись ко мне, — глухо произнес он, — и все пройдет.

Улыбка вмиг сошла с лица Юй Цюся. Он точно превратился в ледяную глыбу. Он не удостоил его даже колкостью. Такое молчание означало крайнюю степень раздражения — Юй Цюся не желал тратить силы даже на притворное безразличие.

Сынун слишком хорошо знал эти повадки, чтобы не почувствовать, как наваливается глухое отчаяние. И все же он попытался снова:

— Но почему...

— Явился, — оборвал его Юй Цюся.

На пустой улице, прямо перед похоронной процессией, возникло чудовище. Оно стояло спиной к их укрытию.

Юй Цюся повернул ключ в замке зажигания и переключил передачу. Кажется, он не собирался давать остальным и шанса на мирный исход. Двигатель натужно взревел, старая колымага задрожала всем корпусом, оживая подобно израненному хищнику.

Юй Цюся тихо рассмеялся — в его смехе не было и тени страха, скорее, странное, пугающее предвкушение.

— Страшно? Чисто гипотетически эта тварь неуязвима. Если врежемся — нам конец.

Сынун, сохраняя ледяное самообладание, отозвался без единой эмоции:

— До смерти боюсь. Так что постарайся не ошибиться.

Юй Цюся рванул рычаг ручника. Старенький автомобиль с визгом сорвался с места и, яростно ревя мотором, полетел прямо на застывшую посреди дороги фигуру.

Сынуна вдавило в спинку кресла от резкого ускорения. В эту секунду в его памяти внезапно всплыла пугающая деталь: у монстра есть третий глаз. Прямо на затылке. А значит, для него не существовало понятия «слепой зоны». Он прекрасно видел несущуюся на него угрозу.

Однако чудовище даже не шелохнулось.

Снеся последние метры разделявшего их расстояния, Сынун успел заглянуть в этот глаз на затылке. В его глубине светилась тоска — абсолютно человеческая, исполненная немого смирения.

В следующее мгновение раздался оглушительный скрежет металла. Мир вокруг раскололся, и их поглотило ослепительное белое сияние.

<http://bllate.org/book/20607/2178347>